

1 Денабрѣ.

№ 23

XVI годъ.

№ 23

1905 года.

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатн. листовъ, 3 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ города Имперіи. — За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Подписка въ разсрочку не допускается

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, домъ № 18.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ.

1.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода ходатайства командира 3-го Сибирскаго армейскаго корпуса, генераль-адъютанта Стесселя, Всемилостивѣйше соизволилъ, во 2-й день іюля сего года, на награжденіе, въ числѣ прочихъ чиновъ бывшаго Портъ-Артурскаго гарнизона, за отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ, священниковъ: 5-го Восточно-Сибирскаго стрѣлковаго полка Василія Слюнина, крейсера 1-го ранга «Баянъ» Анатолія Куньева орденомъ Св. Владиміра 4-й степени съ мечами и 15-го Восточно-Сибирскаго полка Александра Холмогорова орденомъ Св. Анны 2-й степени съ мечами.

2.

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, 6-го минувшаго октября, утвердить пожалованныя Главноксмандовавшимъ войсками на Дальнемъ Востокѣ, по Высочайше представленной ему власти, за отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ, а также за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военныхъ дѣйствій, награды -- орденъ св. Владиміра 4-й сте-

пени съ мечами: полевому Главному Священнику Маньчжурской арміи протоіерею *Сергію Голубеву* и состоявшему въ распоряженіи командовавшаго Маньчжурскою арміею священнику *Іоанну Голубеву* и орденъ св. Анны 3-й степени съ мечами: священникамъ Восточно-Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ: 17-го—*Василію Грифцову*, 19-го—*Павлу Бантиданову* и 20-го—*Теодору Орлову*.

3.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 6-й день текущаго октября, утвердить пожалованный главнокомандовавшимъ войсками на Дальнемъ Востокѣ, по Высочайше предоставленной ему власти, за отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ, а также за отлично-усердную службу и труды, понесенные во время военныхъ дѣйствій, награды: орденъ св. Станислава 3-й степени—псаломщику при полевомъ Главномъ Священникѣ *Михаилу Цвѣтикову* и серебряныя медали, съ надписью «за усердіе», для ношенія на груди на Станиславской лентѣ, псаломщику при полевомъ Главномъ Священникѣ *Петру Тихомирову* и исправляющему должность псаломщика при томъ же полевомъ Священникѣ *Михаилу Аверину*.

4.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Синодальнаго Оберъ-Прокурора, Высочайше соизволилъ, въ 13-й день августа текущаго года, утвердить пожалованныя бывшимъ Главнокомандовавшимъ, генераль-адъютантомъ Куропаткинымъ и нынѣ Главнокомандующимъ войсками на Дальнемъ Востокѣ, за отличія въ дѣлахъ противъ японцевъ, награды: священникамъ: 12-го Великолуцкаго пѣх. полка *Александрю Пославскому*, 9-го Восточно-Сибирскаго стрѣлк. полка *Павлу Кропотову* и 22-го Восточно-Сибирскаго стрѣлк. полка *Андрею Богословскому*, нынѣ переведенному къ церкви 33-го Восточно-Сибирскаго стрѣлк. полка, орденъ св. Анны 2-й степени съ мечами и священнику 11-го Псковскаго пѣх. полка *Николаю Стверову*— тотъ же орденъ 3-й степени съ мечами.

СПИСОКЪ

лицамъ, кои за заслуги по вѣдомству о. Протопресвитера Всемилюстивѣйше пожалованы ко дню св. Пасхи 1905 г. медалями, съ надписью «за усердіе».

Для ношенія на шеѣ: золотыми—на Станиславской лентѣ:

1. Староста церкви Воронежскаго дисциплинарнаго баталіона, 2-й гильдін купецъ Яковъ *Анжиндиновъ*.
2. С.-Петербургскій 2-й гильдії купецъ Александръ *Латышевъ*.

Серебряною—на Станиславской лентѣ:

3. Вольнонаемный псаломщикъ Виленской военно-Благовѣщенской церкви, отставной церковникъ рядового званія Яковъ *Нестеренко*.

 НАГРАДА ВОЕННОМУ СВЯЩЕННИКУ ОТЪ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Благочинный 15-й пѣх. дивизіи, священникъ 60-го пѣх. Замосцкаго полка Илія *Селезневъ*, во вниманіе къ засвидѣтельствуванію начальства о весьма ревностномъ исполненіи имъ пастырскихъ обязанностей въ мирное время и во время войны съ Японіей, Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ награжденъ саномъ протоіерея.

Изъ приказа по войскамъ 1-й Маньчжурской арміи,

отъ 21-го сентября 1905 года.

Въ виду распоряженія Главнокомандующаго, изложеннаго въ предписаніи отъ 24-го августа текущаго года за № 318, относительно откомандированія въ Россію лицъ, находящихся въ составѣ арміи и не занимающихъ штатныхъ должностей, дано предписаніе состоящему въ моемъ распоряженіи священнику *Іоанну Голубеву* отправиться въ г. С.-Петербургъ въ распоряженіе Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства.

Священникъ *Іоаннъ Голубевъ* состоялъ въ моемъ распоряженіи съ марта мѣсяца 1904 года. Въ теченіе этого времени онъ совершалъ богослуженія преимущественно въ тѣхъ воинскихъ частяхъ, которыя не имѣли своихъ

священниковъ и съ этою цѣлью имъ было сдѣлано нѣсколько далекихъ и продолжительныхъ поѣздокъ.

Своимъ истинно проникновеннымъ исполненіемъ церковныхъ службъ о. Іоаннъ Голубевъ доставлялъ чинамъ посѣщаемыхъ имъ частей много минутъ высоко-религіознаго утѣшенія, а своими высокопоучительными проповѣдями возбуждалъ въ нихъ много добрыхъ чувствъ и содѣйствовалъ поддержанію доброй вѣры и мужества.

Въ нѣкоторыхъ же частяхъ, напримѣръ въ отрядѣ генераль-адъютанта Мищенко, онъ самоотверженно исполнялъ духовныя требы подѣ непріятельскимъ огнемъ.

Нынѣ разставаясь съ о. Іоанномъ Голубевымъ, выражаю ему съ лица службы свою глубокую благодарность за всѣ его труды и лишенія, понесенныя имъ при исполненіи своихъ высокихъ обязанностей, а также и за ту высокополезную пастырскую дѣятельность, которая принесена имъ арміи.

Подписаль: командующій арміей,

Генераль-адъютантъ *Нуропаткинъ*.

Распоряженія о. Протопресвитера: военному и морскому духовенству къ свѣдѣнію и исполненію.

1.

Товарищъ предсѣдателя Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста, состоящаго подѣ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, тайный совѣтникъ *Анренъ*, отношеніемъ отъ 14-го октября 1905 года за № 8008, на имя Духовнаго Правленія при Протопресвитерѣ военнаго и морскаго духовенства, сообщилъ, что по всеподданнѣйшему докладу Августѣйшей Покровительницѣ Общества о поступившихъ (въ іунѣ мѣсяцѣ 1905 г.) отъ подвѣдомственныхъ о. Протопресвитеру причтовъ пожертвованіяхъ въ пользу больныхъ и раненыхъ воиновъ на Дальнемъ Востокѣ въ суммѣ *одной тысячи тридцати шести рублей шести коп.* (1036 р. 06 к.) (2% отчисленій изъ получаемаго военнымъ и морскимъ духовенствомъ содержанія, единовременныхъ отчисленій изъ свободныхъ суммъ военныхъ и морскихъ

церквей и пожертвованій разныхъ лицъ, полученныхъ въ Духовномъ Правленіи въ іюнѣ мѣсяцѣ) Ея Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть благодарить жертвователей отъ имени Ея Величества.

Объ изложенной Высочайшей благодарности Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны объявляется духовенству военнаго и морскаго вѣдомствъ, оказавшему пожертвованія въ пользу больныхъ и раненыхъ.

Къ сему присовокупляется, что такъ какъ съ прекращеніемъ Русско-Японской войны нужды Общества Краснаго Креста и Александровскаго Комитета о раненыхъ по призрѣнію больныхъ, раненыхъ и увѣчныхъ воиновъ и осиротѣлыхъ семействъ ихъ не прекратились, то установленный Св. Синодомъ усиленный кружечный сборъ за каждымъ богослуженіемъ во всѣхъ церквахъ Имперіи въ пользу означенныхъ воиновъ долженъ производиться по прежнему безъ измѣненій впредь до особаго по сему предмету распоряженія Св. Синода, постановленіе же братскаго собранія военнаго и морскаго духовенства отъ 4-го февраля 1904 г., объ отчисленіи изъ получаемаго духовенствомъ содержанія 2% на нужды войны *общеобязательнаго* значенія не имѣло и не имѣетъ и продолженіе взносовъ такового отчисленія предоставляется всецѣло личному усердію къ отечественнымъ нуждамъ и усмотрѣнію каждаго изъ подвѣдомственныхъ мнѣ священно и церковно-служителей.

Протопресвитеръ военнаго
и морскаго духовенства *А. Желобовскій.*

2.

Установленный указомъ Св. Синода отъ 5-го февраля 1902 года за № 1005 ежемѣсячный тарелочный сборъ въ пользу состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Александровича Воинскаго Благотворительнаго Общества Бѣлаго Креста долженъ быть произведенъ въ наступающемъ 1906 году въ подвѣдомственныхъ мнѣ соборахъ и церквахъ въ слѣдующіе воскресные и праздничные дни: 15-го января, 19-го февраля, 26-го марта, 16-го апрѣля, 14-го мая, 25-го іюня, 16-го іюля, 6-го августа, 24-го сентября, 22-го октября, 26-го ноября и 24-го декабря.

Сборъ этотъ о.о. благочинные и настоятели церквей, благочиннымъ не подчиненные, имѣютъ представлять въ Духовное при мнѣ Правленіе по

третья года (такъ же какъ и сборы въ пользу вдовъ и сиротъ военнаго духовенства) при особыхъ рапортахъ съ точнымъ указаніемъ, сколько собранныхъ пожертвованій на Бѣлый Крестъ представлено отъ каждой изъ церквей благочинія и если отъ какой либо церкви не будетъ представлено, то почему именно.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ

ПОУЧЕНІЕ,

сказанное въ домовой церкви О. Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства 30-го октября.

По поводу упрековъ священникамъ за пресудительное молчаніе во время тревожныхъ событій).

Проповѣдуй слово, настой благоверенно и безвременно, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ (2 посл. къ Тимоѳею, гл. 4, ст. 2).

Этотъ завѣтъ апостола Павла пастырю особенно сильно вспоминается нынѣ, когда вокругъ и около слышатся и читаются нареканія на молчаніе священнослужителей, по поводу происходящихъ въ разныхъ мѣстностяхъ безпорядковъ и безчинствъ. Передъ глазами совершаются забастовки, грабежи, даже убійства,—а церковь молчитъ, пастыри безмолвствуютъ: развѣ имъ не стыдно, не грѣшно? И мнѣ, недостойному Пастырю, не разъ приходилось слышать: «и Вы молчите? И отъ Васъ не слышно ни одного слова назиданія въ храмъ Божьемъ?»

Не въ оправданіе, не въ извиненіе, а въ нѣкоторое разъясненіе считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ.

«Пастыри молчатъ»,—но не всѣ и не вездѣ. Многіе и пишутъ, и говорятъ по поводу настоящихъ прискорбныхъ событій.

И знаете, когда на сердцѣ слишкомъ тяжело, когда въ окружающей средѣ волнуютъ и бушуютъ страсти,—слово замираетъ на устахъ. Вѣдь всѣ обидчики и любители чужого добра знаютъ что дѣлаютъ—поступаютъ

не хорошо: доказывать имъ это излишне, а до причинъ добраться—мудрено. Слово пастыря въ подобныхъ случаяхъ оказывается слабымъ.

Пастыри, сѣятели слово Божьяго, молчатъ: а что, если почва возбужденныхъ душъ малоплодна и бесплодна. Сегодня за литургіею предложенное Евангеліе ¹⁾ указало три сорта почвы, на которой посѣянное сѣмя спасительнаго слова Божьяго не принесло плода. Одни сѣмена попали на дорогу и были затоптаны прохожими и поклеваны птицами, другія—на каменную почву и засохли, третьи—на землю, въ которой много сѣмянъ сорныхъ травъ, дали ростки тѣ и другія, но сорныхъ было больше, и они заглушили сѣмена добрыя. Напрасно потрудились сѣятели. Правда, нашелся уголокъ удобной земли: тамъ—вышелъ урожай.

Скажите намъ, любители упрековъ (на это такъ много охотниковъ и это дѣлать такъ легко), скажите намъ: удобна ли для принятія слова Божьяго душевная почва людей раздраженныхъ и разстроенныхъ? Нужно сначала воздѣлать почву, а потомъ уже и сѣять...

Кто уготовалъ такую печальную почву для сѣятелей—пастырей? Развѣ они, и только они одни? Недовольство заявили прежде всего люди взрослые, и оно образовалось у нихъ не вчера, не мѣсяць, не годъ назадъ, а давненько. Зачѣмъ окружающая среда дозволила укорениться, а потомъ такъ печально проявиться этому недовольству? Поближе пастырей, къ этимъ недовольнымъ, стояли другія личности; что-же онѣ смотрѣли?

Когда поднялась буря неурядковъ и безчинствъ, почему же пастыри оказались виновнѣе всѣхъ? Почему упреки посыпались на нихъ, что они не усмиряютъ, не вразумляютъ, не укрощаютъ, а молчатъ? Годами, цѣлыми годами росъ этотъ духъ недовольства; проникъ онъ въ учебныя заведенія, гдѣ никогда его не было слышно, коснулся даже невинныхъ дѣтскихъ душъ, а родители, воспитатели, руководители относились къ этому движенію безучастно или, что еще хуже, деспотично: они заботились о развитіи ума, а сердце и волю предоставили самимъ себѣ, оставили безъ водительства. Разладъ во взаимныхъ отношеніяхъ членовъ общества дошелъ до послѣднихъ размѣровъ: не стало ни довѣрія, ни авторитета.

Начали искать виноватыхъ. Ихъ много, и далеко—не одни пастыри.

Здѣсь предъ престоломъ Бога мира и любви, я не дерзаю никого обвинять: да судитъ Правосудный Богъ!

¹⁾ Притча о сѣятелѣ.

Въ горькихъ чувствахъ о печальныхъ современныхъ событіяхъ, призываю собратій-пастырей немолчно, со всякимъ долготерпѣніемъ вѣщать слово Божіе, какъ-бы ни были не благопріятны условія для его проповѣданія. Нашъ долгъ сѣять, а возрасти — дѣло Божіе.

«Отецъ небесный! Вразуми заблудшихъ, а этихъ юнцевъ (дѣтей)¹⁾ спаси и сохрани отъ всякой напасти!». Души ихъ такъ чисты, а окружающая атмосфера такъ опасна. Почва душевная у нихъ еще не засорена, спѣши каждый изъ насъ сѣять на ней сѣмя добра, чести и правды.

Добрый примѣръ старшихъ — самый лучший учитель для младшихъ».

Протопресвитеръ А. Желобовскій.

Р Ѣ Ч Ь

военнаго священника, возвратившагося съ Дальняго Востока предъ молебномъ по случаю окончанія войны съ Японіей.

Слава Богу! Замолкли раскаты войны, не слышно болѣе раздирающихъ душу стоновъ раненыхъ и умирающихъ, не льется болѣе родная кровь нашихъ братьевъ: мечъ уступилъ мѣсто серпу и плугу, боевое настроеніе смѣнилось мирнымъ трудомъ; вотъ почему въ настоящей день вся православная Русь стекается въ святые храмы, чтобы возблагодарить Бога за прекращеніе долгой и кровопролитной войны.

Для меня, лично перенесшаго тягости и невзгоды минувшей войны и отчасти очевидца ужасовъ ея, особенно отрадно принять участіе въ благодарственномъ молебствіи, потому что, попавъ въ мирную обстановку, живѣе чувствуешь и полнѣе сознаешь, какое благо миръ для народа. Мое отрадное настроеніе усугубляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что первое мое служеніе на родинѣ мнѣ пришлось совершить совмѣстно съ моимъ маститымъ начальникомъ²⁾, который воспиталъ цѣлое поколѣніе военныхъ пастырей, такъ много поработавшихъ для русскаго солдата и перенесшихъ столько трудовъ и лишеній вмѣстѣ съ нимъ на поляхъ далекой Манчжуріи.

Не вдаваясь въ оцѣнку военныхъ дѣйствій нашей арміи, такъ какъ это дѣло военныхъ специалистовъ, скажу, что многіе участники войны не безъ

¹⁾ Ихъ до 30 стояли впереди.

²⁾ Въ домовою его церкви.

причины радовались извѣстіямъ о мирѣ: они свято исполнили свой долгъ въ отношеніи къ родинѣ, а потому заслужили право на отдыхъ,—и долгъ русскаго общества быть справедливымъ къ этимъ людямъ и, дружески протянувъ имъ руку, сказать: «братья, мы не осуждаемъ васъ, цѣнимъ ваши труды и готовы цѣлить ваши раны».

Какъ христіане, мы не можемъ ограничиться одними молитвенными благодареніями Бога за Его милости, нѣтъ: наши чувства глубже—и они ищутъ выраженія въ дѣлахъ.

Чѣмъ же и какъ лучше возблагодарить Отца небеснаго за миръ, дарованный нашей родинѣ. Полагаю, что лучшей и драгоценнѣйшей благодарственной жертвой съ нашей стороны въ данномъ случаѣ будетъ посильное облегченіе участи калѣкъ, сиротъ и вдовъ-жертвъ минувшей войны. Отереть ихъ слезы, показать къ нимъ непритворное теплое участіе въ ихъ горькой долѣ—это лучшее выраженіе нашей благодарности Богу за дарованный миръ.

Это не все. Каждый изъ насъ въ глубинѣ души жаждетъ, чтобы неудачи только что оконченной войны не повторялись болѣе въ жизни нашей многострадальной родины. Достигнемъ мы этого только тогда, когда всѣ, въ комъ бьется русское сердце, огненными буквами начертаятъ въ своей душѣ: *«помни, Русь, уроки, данные войною»*, и употребятъ всѣ свои старанія, чтобы воспитать молодое поколѣніе въ духѣ беззавѣтной преданности православной вѣрѣ и горячей любви къ родинѣ; а учебныя заведенія, дополняющія воспитаніе, даваемое въ семьяхъ, съ своей стороны приложатъ всѣ заботы, чтобы внѣдрить въ умахъ юношества непоколебимую вѣрность долгу и выработать изъ него честныхъ слугъ добра и правды, способныхъ выше всего ставить благо ближнихъ, а не свои личныя выгоды.

Наконецъ—мы совершили бы угодное въ очахъ Божіихъ, если бы, вспомнивъ завѣтъ Спасителя: «Да будутъ всѣ едино, якоже Ты Отче во Мнѣ и азъ въ Тебѣ» (Іоаннъ 17 гл. 21 с.), во имя Бога любви и мира, пославшаго Своего Сына водворить этотъ желанный миръ на землѣ, забыли всѣ свои взаимныя распри и, отбросивъ въ сторону мелочные партійные расчеты, сплотились дружной семьей и общими усиліями положили конецъ тѣмъ впутреннымъ неурядицамъ и бѣдствіямъ, которыя такъ больно терзаютъ тѣло русскаго богатыря въ настоящее время.

Безъ помощи Божіей ничто благое и полезное не совершается на свѣтѣ. А потому вознесемъ единодушныя и горячія молитвы къ Отцу Небесному,

чтобы Онъ далъ глубокой и продолжительный миръ нашему народу и чтобы народъ этотъ, пожиная плоды мира, жилъ во славѣ и благоденствіи, свято сохраняя въ себѣ завѣты евангельскаго ученія, завѣты братской любви и неподкупной правды, въ этомъ сила и спасеніе Россіи. Аминь.

Военный священникъ Михаилъ Омелюстый.

Панихиды надъ иновѣрцами.

Отвѣтъ на статью проф. Е. Аквилонова въ журналъ «Церковный Вѣстникъ» за 1905 г. № 31.

1.

«Хотя бы онъ былъ меньшій, но если предлагаетъ что либо полезное, предпочти его мнѣнію. Хотя бы онъ былъ даже послѣдній, не оставь его безъ вниманія. Не будемъ почитать достойнымъ предпочтенія что предлагаемъ сами. Но что окажется полезнымъ, то пусть и одобряется всѣми» (Св. Іоаннъ Златоустъ. Толк. на 2 кор. Бес. 18).

Не смотря на опредѣленіе Св. Синода отъ 10—15-го марта 1847 г., коимъ признано, что: «полковое православное духовенство по иновѣрцамъ не можетъ совершать домовыхъ панихидъ¹⁾», текущая жизнь церкви настолько богата фактами молитвеннаго поминовенія православнымъ духовенствомъ иновѣрцевъ, что невольно возникаетъ вопросъ: чѣмъ объяснить безсиліе этого закона? Исторія насъ учитъ, что сплошь и рядомъ причины слабости законовъ находятся въ нихъ самихъ, обуславливаясь ихъ несоотвѣтственностью съ основными законами и жизнью. Это даетъ поводъ не только изслѣдовать мнѣніе о не позволительности панихидъ съ канонической стороны; но и наряду съ этимъ — проанализировать случаи уклоненія отъ него, съ цѣлю выясненія дѣйствительныхъ причинъ.

Уважаемый профессоръ протоіерей Е. Аквилоновъ въ своей статьѣ «Панихиды надъ иновѣрцами» въ возможной степени доказываетъ каноническую и логическую обоснованность мнѣнія митрополита московскаго Филарета, положеннаго въ основу опредѣленія Св. Синода отъ 10—15-го марта 1847

¹⁾ Собр. Мнѣній Митроп. Филарета Московскаго, томъ дополнительный. Спб., 1887 г. № 56. Цитата указана по статьѣ проф. Аквилонова.

года, но онъ не даетъ себѣ труда выяснитъ путемъ внимательнаго анализа и оцѣнить дѣйствительныя побужденія, толкающія духовенство на путь нарушенія указа. Эта слабая сторона статьи позволяетъ намъ оставить под сомнѣніемъ заключительныя ея выводы, въ которыхъ онъ между прочимъ пишетъ:

«Отказываясь совершать панихиду по иновѣрнымъ христіанамъ, хотя бы послѣдняя состояла только въ одномъ поминовеніи ихъ именъ съ именами православныхъ, священникъ поступаетъ только такъ, какъ именно и долженъ поступать. Разумѣется на него могутъ посыпаться всякія упреки. Что дѣлать? Иногда (?) лучше перенести ихъ, нежели въ угоду завѣдомо ложнымъ мнѣніямъ поступаться правдою. Пастырскій долгъ состоитъ въ самоотверженномъ служеніи Христовой истинѣ, а не въ рабскомъ челоуѣкоугодничествѣ, къ сожалѣнію, не чуждомъ иногда и для служителей алтаря» (стр. 975, № 31 «Ц. В.» 1905 г.).

Энергичны слова уважаемаго профессора, но мы, обращаясь къ фактамъ, постараемся извлечь справку, иллюстрирующую для насъ нѣкоторыя слишкомъ отвлеченно высказанныя въ статьѣ проф. Аквилонова понятія. Пусть намъ жизнь наглядно покажетъ этихъ «измѣнниковъ правдѣ» во всеоружіи ихъ «рабскаго челоуѣкоугодничества» и «завѣдомо ложныхъ мнѣній...

Старица игуменія Апполинарія, вспоминая благодѣянія Божія, оказанныя ей за 57 лѣтъ управленія Немировскимъ монастыремъ, рассказывала слѣдующій эпизодъ.

«Тяжело, охъ какъ тяжело мнѣ приходилось на первыхъ порахъ! — вспоминала уважаемая игуменія. Благотворителей никакихъ, жили одними подаяніями. Не разъ и не два приходилось такъ жутко, что въ монастырѣ ни копѣйки денегъ, каменщикамъ и плотникамъ задолжаешь за нѣсколько мѣсяцевъ и они грозятъ бросить работу¹⁾, въ монастырской кладовой ни пылинки муки — дождаемъ послѣдній испеченный хлѣбъ. Однажды пережили такія критическія минуты, когда экстренно нужно было достать большую сумму — до 500 рублей и надежды не было положительно никакой. Говорю сестрамъ: идите въ церковь, усердно пойте акаѣистъ Спасителю, Божьей Матери, Св. Николаю, а я поѣду во дворецъ къ графу въ Немирову, не вымолю-ли у него въ займы 500 рублей на одинъ годъ. Графъ Болеславъ Потоцкій, хотя былъ католикъ, но доброй души челоуѣкъ и для своихъ крѣпостныхъ

1) Послѣ страшнаго пожара 1845 монастырь строился за ново.

крестьянъ православныхъ много благодѣтельствовалъ. Онъ помогалъ и монастырю, отпуская бесплатно строевой матеріалъ и дрова, но деньгами не жертвовалъ»...

Графъ одолжилъ, безъ всякаго, конечно, процента, 1500 рублей. Эту сумму монастырь въ срокъ уплатить не могъ. — Игуменья поѣхала къ преосвященному въ епархіальный городъ и рассказала все дѣло. Не прошло и двухъ недѣль послѣ этой поѣздки, какъ графъ пригласилъ игуменью къ себѣ, принявъ ее съ большимъ вниманіемъ и при этомъ сказалъ:

«Вашъ бискупъ написалъ мнѣ ласковое письмо, благодарить за услугу монастырю. Не беспокойтесь о возвратѣ долга: я велѣлъ управляющему списать долгъ со счета. Однако вашъ монастырь, какъ видно, крѣпко нуждается! Пусть будетъ и моя тамъ личная жертва... примите это отъ меня... и подалъ ей свертокъ, въ которомъ оказалось 100 червонцевъ¹⁾».

Теперь позволю себѣ вопросъ. Въ тотъ скорбный день, когда вѣсть о смерти католика—графа дошла до монастыря, не надлежало-ли сестрамъ съ матерью игуменью собраться для общей молитвы по почившемъ благотворителѣ иновѣрцѣ? И если онѣ это именно и сдѣлали, то заслуживаютъ ли онѣ осужденіе въ человѣкоугодничествѣ и вообще въ нарушеніи правды?... «Отвергнувъ всякую скрытость, не прибѣгая къ хитрости, не искажая Слова Божья, но представляя себя совѣсти всякаго человѣка предъ Богомъ» (2 Кор., 4, 2), я категорически уклоняюсь отъ такого упрека, ибо, рассматривая рассказанный случай поминаенія²⁾ въ православномъ монастырѣ графа-иновѣрца и входя въ душевное состояніе совершителей поминаенія, я не вижу «человѣкоугодничества», «завѣдомо-ложныхъ мнѣній», ослабленія ревности къ православію и проч.. Но и всякій православный человѣкъ, не забывающій, что «Богъ намъ далъ способность быть служителями Новаго Завѣта— не буквы, но духа, потому что буква убиваетъ а духъ животворить» (2 Кор., 3, 6) и, на этомъ основаніи, не слѣпо, а разумно ревнующій о церковныхъ правилахъ,—не станетъ упрекать ихъ, ибо за что же въ самомъ дѣлѣ? Совершители поминаенія «уклонились отъ служенія Христовой истины», но... развѣ не Самъ Христосъ училъ благодарности (Лук. 17, 15—19) и — съ другой стороны — «молитва за всѣхъ» (Тим. 2, 2) и притомъ «безъ всякаго гнѣва и сомнѣній» (Тим. 2, 6) развѣ не Его святое

¹⁾ Под. Еп. Взд. 1904 г. № 18-я статья: Ко дню годовщины смерти игуменіи Немаровскаго монастыря Апполинарія.

²⁾ Панихида была.

ученіе?! Они поступили вопреки канону гласящему: «Да не будетъ позволено имѣти общенія ниже сходитися въ дома и молитися съ находящимися внѣ общенія церковнаго» (Антіох. собора прав. 2); но вѣдь епископская власть не только не возбраняла, но сама содѣйствовала общенію монастыря съ иновѣрцемъ. Наконецъ кто нибудь могъ бы сказать — они въ порывѣ евангельской любви, «ослѣпивъ въ себѣ умъ Христовъ», забыли о еретичествѣ покойника...

Но вопервыхъ, не возможно понять, какимъ образомъ христіанская любовь (См. 1 Іоан. 4, 16), которая есть «совокупность совершенствъ» (Колос. 3, 14) можетъ ослѣплять. И во вторыхъ — не намъ ли Господь далъ въ примѣръ самарянина, забывшаго въ порывѣ искренняго состраданія объ иновѣріи нуждавшагося въ его милости, а вѣдь молитва есть плодъ милости духовной...

По нашему убѣжденію, нѣтъ человѣкоугодничества, нѣтъ завѣдомыхъ идей, хотя фактъ поминовенія иновѣрца вмѣстѣ съ православными на лицо. Такихъ случаевъ въ практикѣ церквей, гдѣ населеніе смѣшанное и при томъ мирно уживается между собою, неисчислимо множество и всѣ они могутъ доказывать несостоятельность того метода, съ помощью котораго проф. протоіерей Аквилоновъ находитъ имъ причину въ человѣкоугодничествѣ и потерѣ «ума Христова»...

II.

«Истинное рѣшеніе каждаго взятаго вопроса — пишетъ уважаемый о. профессоръ (стр. 973, «Ц. В.» № 31, 1905 г.) обуславливается правильной точкой зрѣнія на предметъ или нахожденіемъ той принципіальной основы, на которой возможно построить единственно вѣрное рѣшеніе вопроса». Но въ томъ то и суть: жизненные вопросы не должны рѣшаться съ одной теоретической принципіальной стороны. Наука и жизнь, теорія и опытъ, каноника церкви и ея практика, только взаимно пополняя другъ друга, обезпечиваютъ нашему сознанію вѣрность понятій да и то лишь въ относительной степени, по причинѣ измѣнчивости жизни. Всему этому насъ неминуемо учить жизненный опытъ, и потому мы люди дѣла не можемъ довѣряться исключительно логикѣ вообще и въ частности въ вопросѣ о поминовеніи иновѣрцевъ. При самомъ уважительномъ отношеніи къ церковнымъ канонамъ, раньше или позже, прямо или косвенно, но неизбѣжно мы заставляемъ поднять вопросъ о *ratio legis*, вопросъ (не о сущности понятія закона, но) о существенномъ и дѣйствительномъ, а не номинальномъ отно-

шеніи закона къ жизни. Равно также мы не можемъ положиться на паспортную отиѣтку о православіи или неправославіи того или другого лица и не на ней построимъ свои отношенія къ нему. Въ жизни сплошь и рядомъ приходится считаться съ людьми, которые безъ подсказки не отвѣтятъ на вопросъ: какого они вѣроисповѣданія. Эти люди, которыми такъ богаты наши православные окраинные приходы, такъ мало напоминаютъ собою Аріевъ, Несторіевъ и проч. по мѣрѣ которыхъ строилось понятіе—шаблонъ еретикъ, что находясь съ ними въ постоянно добрыхъ мирныхъ сношеніяхъ какъ-то поневолѣ забываешь объ ихъ еретичествѣ и смягчаешь свои отношенія. Послѣднее явленіе—фактъ. Противъ фактовъ, говорятъ, не спорятъ. Однако если бы кто пожелалъ доказать преступность такой слабости, тому надлежитъ имѣть въ виду, что и церковь не всегда одинаково относилась къ еретикамъ и иновѣрцамъ. Въ этомъ явленіи (которое опасно было бы называть предосудительнымъ) кроется объясненіе случаевъ поминовенія иновѣрныхъ офицеровъ православными священниками, за исключеніемъ, конечно, тѣхъ случаевъ челоуѣкоугодничества, которые имѣетъ въ виду Синодальное Опредѣленіе 10—15-го марта 1847 года. На вопросъ: можно ли?—въ памяти полкового священника возстаютъ картины изъ жизни почившаго, рисующія многія симпатичныя глубоко христіанскія стороны его души: «...онъ, наконецъ, уважалъ православную церковь и другихъ училъ этому уваженію, онъ каждую минуту готовъ былъ пойти на подвигъ за «вѣру, царя и отечество» и повести за собою сотни тысячи меньшихъ братьевъ—не ужели, нельзя о немъ помолиться?... Чѣмъ больше вдумывается полковой священникъ, чѣмъ ярче онъ воспроизводитъ личность почившаго добраго иновѣрца—офицера, тѣмъ дальше и дальше прячется отъ его вниманія какъ бы витающій надъ покойникомъ ярлыкъ: «се еретикъ»... И въ концѣ концовъ, приглашаемый родными покойнаго и знакомыми, онъ идетъ «безъ всякаго сомнѣнія» въ объятый скорбью домъ преставшагося, чтобы «поплакать съ плачущими» (Рим. 12, 15), и облегчить горе ихъ своею іерейскою молитвою, которую, замѣтимъ по личному опыту, иновѣрцы не рѣдко принимаютъ съ большею вѣрою и благоговѣніемъ, нежели иные православные... Этимъ онъ навлекаетъ на себя осужденіе теоретической критики, но за то избѣгаетъ упрековъ собственной совѣсти а также упрековъ родныхъ и знакомыхъ умершаго, которымъ трудно понять отказъ священника отъ совершенія молитвы.

Въ самомъ дѣлѣ, на что сослался бы полковой священникъ, объясняя, что онъ поступитъ такъ, какъ именно долженъ былъ поступить? Сослался

бы на формальное требованіе службы, — но ему сказали бы, что до сихъ поръ не слыхано дѣло о наказаніи священника за совершеніе домовыхъ панихидъ надъ иновѣрцами. Онъ указаль бы на мнѣніе высокопреосвященнаго Филарета, но если — по словамъ проф. прот. Е. Аквилонова — ссылаться на церковные каноны не значить быть готовыми всякому требующему у насъ отчета въ нашемъ упованіи дать отвѣтъ», то тѣмъ болѣе не можетъ считаться достаточною ссылка на мнѣніе одного, хотя бы и весьма почитаемаго святителя канониста. Испытующая мысль современнаго человѣка не затруднится подвергнуть беспощадной критикѣ мнѣніе митрополита Филарета о недозволенности молитвъ за иновѣрцевъ и трудно предсказать, каковъ будетъ результатъ этой критики. Для насъ по крайней мѣрѣ несомнѣнно то, что, какъ мы намѣрены въ дальнѣйшемъ изложеніи показать, мнѣніе митрополита Филарета не достаточно убѣдительно обоснованно, хотя и безусловно принято прот. Аквилоновымъ.

III.

Касаясь мнѣнія митрополита Филарета о недозволительности поминовеній надъ иновѣрными чинами, нельзя прежде всего не обратить вниманія на чисто административный, слѣдовательно, временный характеръ его¹⁾. Оно не опирается на ученіе Св. Писанія, и, повидимому, болѣе всего считается съ опасностью глумленія со стороны инославныхъ догматиковъ и съ соблазномъ для «ревнителѣй церковныхъ правилъ и раскольниковъ». Такая его мотивировка позволяетъ понимать его, не какъ категорическое осужденіе поминовеній иновѣрцевъ, а осужденіе въ виду стороннихъ условій: «если есть соблазнъ и предполагается глумленіе догматиковъ — поминовеніе иновѣрца преступно»... Въ евангельской исторіи, аналогичный подобному примѣръ административнаго мнѣнія и основаннаго на немъ распоряженія, мы можемъ усматривать въ повелѣніи Господа Иисуса Христа Своимъ ученикамъ: «на путь языкъ не идите, во градъ самарянскій не внидите» (Ев. Мѡ. 10, 5). Всякому понятно, что содержащееся въ сихъ словахъ повелѣніе вызвано временными обстоятельствами апостольской дѣятельности и не имѣеть значенія безусловнаго нравственнаго правила.

Во вторыхъ, мнѣніе митрополита Московскаго Филарета теряетъ свою

¹⁾ На административный характеръ его указываетъ отчасти и исторія его происхожденія: оно вызвано запросомъ Синодальнаго оберъ-прокурора графа Протасова.

убѣдительность, при свѣтѣ данныхъ изъ Св. Писанія. Мы могли бы привести десятки выдержекъ, касающихся прямо или косвенно вопроса о молитвѣ за находящихся внѣ церковнаго общенія, но въ виду того, что не мало такихъ мѣстъ мы уже имѣли случай цитировать въ этой статьѣ, обратимъ вниманіе православнаго читателя хотя бы на то, что Самъ Господь, «исполнившій всякую правду» (Мѡ. 3, 15), не гнушался молитвеннаго общенія даже съ не вѣровавшими въ Него «въ домѣ молитвы для всѣхъ народовъ» (Мр. 11, 17), и что, напримѣръ, св. ап. Павелъ, уяснившій намъ высоконравственныя брачныя отношенія по ученію Христа (Ефес. 5, 23—32), даетъ такое «повелѣніе по всѣмъ церквамъ» (1 Кор. 7, 17): «И жена, которая имѣетъ мужа невѣрующаго, не должна оставлять его. Ибо невѣрующій мужъ освящается женою вѣрующею и жена невѣрующая освящается мужемъ вѣрующимъ» (1 Кор. 7, 13—14).

Въ третьихъ, митрополитъ Филаретъ построиваетъ его на принципѣ «безъ вѣры не полезна молитва». Чтобы показать, насколько условенъ этотъ принципъ, мы, избѣгая теоретическихъ доводовъ (которые тоже возможны), кромѣ только что цитированнаго мѣста изъ посланія къ Коринѳянамъ, напомнимъ лишь объ исцѣленіи невѣрующаго слуги по молитвѣ сотника (Мѡ. 8, 5—13), объ исцѣленіи дочери хананейки (15—22—28), а также объ аналогичныхъ симъ фактахъ евангельской исторіи.

Наконецъ, въ четвертыхъ, нельзя считать вполне достаточною и ссылку митрополита Филарета на приведенныя имъ апостольскія и соборныя правила: апостольское 10-е, антioxійскаго собора 23-е, лаодикійскаго 6-е и 33-е. Помимо того, что правила эти имѣютъ только косвенное отношеніе къ вопросу о молитвѣ за умершихъ, для убѣдительности ссылки слѣдовало бы доказать, что эти правила во всемъ объемѣ ихъ буквального смысла не потеряли *de facto* свое значеніе и для нашего времени. Вѣдь мы можемъ указать цѣлое множество каноновъ, которые, не бывъ отмѣнены высшею церковною властью т. е. соборомъ, однако потеряли практическое значеніе, напр. прав. 1-го всел. 5-е, IV-го вс. 19-е, апост. 37-е, апост. 59-е, 65-е, VI всел. 80-е, прав. 56-е, прав. 67-е ап. и другія.

Впрочемъ, самъ проф. прот. Аквилонъ сознаетъ недостаточность авторитета митрополита Филарета для полной убѣжденности въ истинѣ мнѣнія о неумѣстности церковнаго моленія за иновѣрцевъ и посему приводитъ свои рационалистическіе доводы въ оправданіе этого мнѣнія.

IV.

Уясняя понятіе церкви изъ соотвѣтственнаго ветхозавѣтнаго — «микра» и «кагалъ», уважаемый профессоръ находитъ, что церковная молитва за непринадлежащихъ къ церкви противна природѣ церкви, какъ народному собранію, имѣющему опредѣленные признаки и чисто внѣшніе границы. Моленіе за еретиковъ, какъ нарушеніе канонѡвъ, мутитъ ясность представленія о церкви, какъ юридической единицѣ; мы не должны передвигать «межи давней, которую провели отцы наши» (Притчи 22, 28). Это требуетъ логика христіанской вѣры.

Оставляя въ сторонѣ крайнюю и всѣмъ очевидную односторонность опредѣленія церкви, мы прежде всего обратимъ вниманіе на то, что молиться о комъ либо еще не значитъ принять его въ число членѡвъ церкви. Такъ, напримѣръ, православная церковь повсемѣстно молится объ оглашенныхъ и крещаемыхъ до ихъ воцерковленія, хотя несомнѣнно не считаетъ ихъ своими членами. Что моленіе за непринадлежащихъ церкви не противорѣчитъ понятію о церковной («микра», «кагалъ») молитвѣ, это, при условіи признанія правильнымъ опредѣленія церкви, сдѣланнаго проф. Аквилоновымъ, явствуетъ изъ того уже, что іудейская ветхозавѣтная церковь и по днесь совершаетъ торжественныя общественныя моленія объ иновѣрныхъ лицахъ, напр. о православномъ Государѣ Императорѣ. Моленіе за иновѣрцевъ не можетъ быть противно и христіанскому понятію о церкви потому, что оно безусловно согласно съ догмою церкви, которая вполнѣ допускаетъ «твореніе церковныхъ молитвъ за вся челоуѣки: за царя и за всѣхъ, иже во власти суть» (Посл. Тимоѡею—*епископу* 11, 1—2). Отсюда ясно, что измѣненіе церковнаго канона, конечно, компетентною церковною властью и въ согласіи съ Св. Писаніемъ, отнюдь не вредитъ самоопредѣленію церкви, и даже импонируетъ понятію о ея вѣчности и «вселенности». «Законы церковныя въ разныя времена различны»¹⁾, ибо они выражаютъ внѣшнюю сторону жизни церкви, которая не можетъ не измѣняться. Требовать безусловной вѣчности церковныхъ канонѡвъ, значитъ считать возможнымъ вѣчность и неизмѣнность матеріальной жизни, что противно всякой логикѣ. Напротивъ того, стремленіе церкви къ измѣненію канона примѣнительно къ новымъ условіямъ жизни вполнѣ соотвѣтствуетъ понятію о канонахъ.

Полагая, что причиною совершенія поминовенія надъ иновѣрцами, служить во многихъ случаяхъ чувство жалости къ тѣмъ, кто ходатайствуетъ

¹⁾ Соколовъ Н. Церковное право, стр. 16.

о такомъ поминовеніи, уважаемый проф. прот. Аквилоновъ указываетъ на неразумность этого чувства въ виду неполезности молитвъ за иновѣрцевъ. Но утверждать, что молитва, произнесенная съ вѣрою во всемогущество и милость Божью ничтожна предъ Богомъ можно только въ пылу литературной полемики—это всемъ понятно, и мы не будемъ отнимать время у читателя приведеніемъ доказательствъ.

Проф. прот. Е. Аквилоновъ далѣе утверждаетъ, что отказъ священника отъ поминовенія иновѣрца вполнѣ удовлетворяетъ обыденной корректности отношеній и что, на оборотъ, совершеніе панихиды надъ иновѣрцемъ является не корректнымъ поступкомъ по отношенію къ нему и даже оскорбительнымъ¹⁾. Свою первую мысль уважаемый профессоръ выясняетъ посредствомъ аналогіи, но аналогіи только кажущейся... Въ самомъ дѣлѣ, какая аналогія между церковью и напр. потребительскою лавкою?! Впрочемъ, если бы мы и признали дѣйствительность такой аналогіи, то на основаніи ея мы могли бы не разубѣдиться, а убѣдиться въ корректности моленій за иновѣрцевъ. Иновѣрецъ, просящій нашихъ молитвъ, но не требующій отъ насъ принятія въ число членовъ церкви, можетъ быть уподобленъ обществу, которое, не вмѣшиваясь въ дѣла любой кооперативной организаціи, требуетъ однако, что бы существованіе подобной коопераціи благопріятствовало его интересамъ... Продолжая далѣе нашу аналогію въ возраженіе проф. Аквилонову, мы должны сказать, что моленіе за иновѣрца въ такой степени противно нашей корпоративной чести, въ какой степени обидно для каждаго члена потребительской лавки повышеніе добросовѣстности торговцевъ, вынужденныхъ конкурировать съ честно поставленнымъ торговымъ предпріятіемъ и въ зависимости отъ этого — повышеніе благосостоянія населенія. Очевидно, допуская столь смѣлую аналогію, уважаемый профессоръ полагалъ, что молитва и принятіе въ церковь — синонимы, но мы уже раньше указали, что нѣтъ данныхъ такъ думать. Правда, духовно неразвитому члену церкви можетъ показаться нѣсколько обиднымъ, что его приравнивали съ какими нибудь Генрихомъ или Францискомъ, но для того и существуютъ духовные отцы и братія, что бы, хотя бы на примѣрѣ мытаря и фарисея, разъяснить ему безнравственность кичливости. Переходя къ второй части утвержденія профессора, мы готовы согласиться съ нимъ, но въ томъ только случаѣ, если онъ намъ докажетъ, что панихида надъ умершимъ есть услуга тѣлу его²⁾, а не душѣ, и что послѣ разлученія съ тѣломъ, сознаніе чело-

¹⁾ № 35 Ц. В. за 1905 г. статья проф. прот. Е. Аквилонова.

²⁾ Стр. 1102—1103, № 35, Ц. В.

вѣрка не освобождается отъ тѣхъ лживыхъ представлений, которые были ему внушены страстями. Но доказать первое, значить расписаться въ матеріализмъ, а согласиться со вторымъ — равносильно отрицанію загробныхъ мученій¹⁾.

Уважаемый профессоръ прот. Е. Аквилоновъ свои доводы въ пользу немоленія за еретиковъ заключаетъ ссылкой на канонистовъ церкви римско-католической, среди другихъ церквей выдающейся своей организациею. Замѣтивъ, что на нашъ взглядъ та организациа церковнаго устройства лучше, которая въ наибольшей степени обезпечила и обезпечиваетъ сохраненіе евангельскаго ученія во всей его полнотѣ и чистотѣ, мы предоставляемъ читателю сдѣлать самостоятельную оцѣнку предложенной профессоромъ ссылки, тѣмъ болѣе, что она даже въ ряду доказательствъ уважаемаго профессора имѣетъ слишкомъ второстепенное значеніе.

Вообще разсмотрѣвъ предложенные проф. прот. Аквилоновымъ доказательства въ пользу немоленія за иновѣрцевъ, мы не можемъ ихъ считать вполне основательными и потому вопросъ о панихидахъ надъ иновѣрцами, по сколько онъ не касается случаевъ челоукоугодничества, признаемъ открытымъ.

По нашему личному и глубокому убѣжденію данный вопросъ относится къ числу такихъ, разрѣшеніе котораго должно принадлежать помѣстному церковному собору²⁾. Одно только для меня выше всякаго сомнѣнія, это то, что церковь никогда не возведетъ немоленіе за еретиковъ и иновѣрцевъ въ нравственно-догматическій принципъ.

Имѣя въ виду вынуждаемую практикою церкви необходимость допустить церковное моленіе за непринадлежащихъ къ церкви, можно даже предположить, что церковный соборъ установитъ спеціальныя молитвы, каковыя несомнѣнно могли бы найти для себя прототипы въ молитвѣ не только Господа Иисуса Христа, Который и на крестѣ молился за враговъ принесенной Имъ въ міръ вѣры, но и въ молитвахъ многихъ отцовъ и учителей церкви. Мы знаемъ, напримѣръ, изъ житія преп. Макарія Египетскаго (Ч. М. 19 янв.), что Господь посредствомъ чуда далъ ему уразумѣть, что его молитвы способствуютъ облегченію загробной участи даже языческихъ жрецовъ.

Священникъ Антонъ Гриневичъ.

¹⁾ У иновѣрца не было бы угрызения совѣсти, обусловливающаго тяжелое его нравственное состояніе до суда и поствъ него. *Авт.*

²⁾ Желательно видѣть на страницахъ «В. В. Д-ва» *мнѣнія по этому вопросу и другихъ лицъ.* Редакторъ.

Памяти священника о. Александра Дубровскаго.

Еще не успѣлъ изгладиться изъ нашей памяти случай преждевременной смерти священника Новогеоргіевскаго военнаго собора о. Александра Вещерскаго, какъ неумолимая и безпощадная смерть снова унесла въ могилу вторую жертву—священника того же собора о. Александра Дубровскаго, умершаго 6-го апрѣля сего 1905 г. отъ крупознаго воспаленія легкихъ, вызваннаго жестокой простудой, захваченной покойнымъ при возвращеніи его изъ-за Вислянскаго укрѣпленія, гдѣ въ этотъ день имъ была совершена церковная служба; въ данномъ случаѣ смѣло можно сказать, что покойный погибъ въ силу своего долга, какъ пастыря, такъ какъ по окончаніи Богослуженія, онъ нѣсколько времени ждалъ на берегу Вислы парома, и все время подъ проливнымъ дождемъ и вѣтромъ; на другой день послѣ этого, покойный слегъ въ постель и уже больше не всталъ.... для того, чтобы быть положеннымъ туда, откуда уже нѣтъ возврата, и гдѣ нѣтъ ни болѣзней, ни воздыханій, но есть жизнь другая—жизнь безконечная!..

Неожиданная кончина о. Александра поразила всѣхъ; покойный въ какіе нибудь 5—6 дней, изъ сильнаго здороваго и полнаго энергіи человѣка, обратился въ безгласный трупъ.... но судьбы Господни неисповѣдимы, и, намъ смертнымъ пришлось еще разъ во очію убѣдиться въ своемъ ничтожествѣ передъ всемогуществомъ Всевышняго Творца; съ невольнымъ трепетомъ припоминается въ каждомъ изъ насъ стихира при погребеніи «Зращемя безгласна», и, особенно слова стихиры «вчерашній бо день бесѣдовахъ съ вами и внезапно найде на мя страшный часъ смертный»—сколько ужаса въ этихъ словахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сколько въ нихъ глубокаго смысла.

Трудно выразить на бумагѣ горе и отчаяніе осиротѣлой жены покойнаго, оставшейся на произволь судьбы съ кучей дѣтей и безъ всякихъ средствъ къ существованію; да оно и понятно—помимо потери ея любимаго человѣка, впереди ожидаетъ горькая участь.

Чинъ отпѣванія о. Александра былъ совершенъ тремя священниками при двухъ діаконахъ и во главѣ съ настоятелемъ собора; пѣлъ хоръ пѣвчихъ нижнихъ чиновъ, составленный въ этотъ день изъ всѣхъ пѣвческихъ хоровъ, имѣющихся въ каждой части войскъ гарнизона, такъ какъ соборъ постояннаго своего хора не имѣеть.

Въ заключеніе, отъ чистаго сердца, остается только произнести: «царство небесное и вѣчная память тебѣ о. Александръ! Спи спокойно до ра-

достнаго утра, и знай, что воспоминанія о тебѣ, какъ человѣкъ высокообразованномъ, добромъ, отзывчивомъ и доступномъ для всѣхъ, никогда не умрутъ среди насъ».

Штабсъ-Капитанъ *И. В. Точискій.*

Дневникъ полкового священника, служащаго на Дальнемъ Восто-
стокѣ, обнимающій время со дня его туда отправленія.

(Продолженіе). ¹⁾

20-е ноября.

Рѣшаю сегодня послѣ обѣда ѣхать съ церковью въ Мукденъ, чтобы тамъ отслужить всеношную, а завтра св. литургію.

Послѣ чая сижу на канѣ, и вдругъ за окномъ раздаются крики: «пожаръ! горимъ!» Сердце такъ и упало. Вѣдь, здѣсь теперь всѣ постройки — пороховъ: конюшни, шалаши — все изъ гаоляна; стоятъ скирды чумизы, да и фанзы-то не имѣютъ потолокъ, а прямо гаолянная крыша; загорись она, сразу все повалится внутрь: дай, Богъ, самому выскочить! Стрѣлой всѣ мы вылетѣли на дворъ, и что же? Огромное пламя рядомъ съ нашей фанзой: казаки по неосторожности подпалили гаолянъ. Боже мой, что поднялось! Крики, гамъ, лошади носятся, люди растаскиваютъ гаолянъ, несутъ воду. Пламя только на аршинъ не дошло до нашей фанзы. Я бросился къ себѣ, и началъ было вытаскивать вещи: но благодаря распорядительности командира полка, удалось скоро затушить. Наволновались порядочно.

Пообѣдали и отправились: Михайло на «другъ», а я съ Ксенофонтомъ въ двуколѣ. Опять въ Мукденъ... Съ 28-го сентября не былъ. Дорогу выровняли, построили вездѣ хорошіе мосты; поѣзда идутъ; тянутся обозы; выздоровѣвшіе солдаты идутъ къ своимъ полкамъ; на поляхъ много солдатъ собираютъ остатки гаоляна. Однимъ словомъ, оживленіе полное. Какъ не похоже на первую половину сентября, когда здѣсь была пустыня! Встрѣтили по бокамъ дороги вѣскольکو могилъ съ небольшими крестами; на нихъ чья-то любящая рука повѣсила маленькіе вѣнки изъ красныхъ цвѣтовъ. Они уже на половину растрепались; но какъ ярко выражена ими непритворная

¹⁾ См. «Вѣстникъ Воен. Дух-ва» № 20, стр. 635.

любовь! Конечно, всё проѣзжающіе крестятся. Переѣхали желѣзную дорогу; на платформахъ стоятъ восемь осадныхъ орудій: недалеко укрѣпленіе. Вотъ и рѣка Хун-хе; уже покрыта льдомъ; столь памятныхъ бродовъ нѣтъ, вездѣ ледяной мостъ. Однако, китайцевъ не видно; ихъ почти совсѣмъ не пускаютъ черезъ рѣку къ позиціямъ: слишкомъ шпионятъ. Завиднѣлся Мукденъ, т.-е. не строенія его, нѣтъ, ихъ не видно (городъ стоитъ на равнинѣ): завиднѣлись стѣны и четырехъ-этажныя башни надъ воротами. Паравнялись съ нашимъ бывшимъ бивакомъ... Какой грустный видъ онъ теперь имѣеть! Лучше бы не смотрѣть. Ворота на кладбищѣ и ограда разрушены; деревья всё до одного порублены, и китайцы выкорчевываютъ пни. А, вѣдь, когда мы жили, была прекрасная роща и густая трава; теперь же пыль, и стоитъ одинокая грустная каменная черепаха. На улицахъ Мукдена огромное движеніе, прямо давка; и среди этой толпы рысью ѣдутъ двуколки, скачутъ всадники. Какъ не подавили еще народъ!... Прямо поражаюсь. Только и слышишь крики: «цубо, цубо»! Торговля въ разгарѣ, хотя все сильно подорожало.

Смѣшной видъ имѣютъ китайцы зимою: руки точно обрублены—такъ глубоко ихъ прячутъ въ рукава! А такъ какъ нельзя же спрятать такую красоту, какъ длинная коса или у женщинъ чуть не трехъ-этажная прическа, то, несмотря на холодъ, на голову надѣваютъ маленькую шапочку, а на уши навѣшиваютъ стеганные ваточные треугольные кусочки.

Бѣжитъ маленькій китайченочекъ, весь посинѣлъ; въ рукахъ—маленькая книжка; увидѣлъ меня, сейчасъ же присѣлъ и кричитъ: «капетана, руски свиченикъ, моя католикъ, французъ»... Протягиваетъ мнѣ книжку; оказывается, молитвенникъ; на переплетѣ выбитъ большой крестъ; напечатанъ по-китайски. Пока я рассматривалъ молитвенникъ, мальчикъ разстегнулъ свою курточку и съ торжествомъ досталъ съ груди довольно большой крестъ и кричитъ мнѣ: «капетана, моя есть креста». Симпатичный мальчишка. Это онъ бѣжалъ въ католическую каплицу молиться:

Пріѣхали въ помѣщеніе 17-го корпуса. Я остановился въ казначействѣ, которое занимаетъ очень хорошій домъ китайскаго мандарина. Домъ этотъ построенъ по типу фанзы, но, во-первыхъ, онъ—огромный, а, во-вторыхъ, прекрасно внутри обставленъ: висятъ довольно хорошія картины, стоятъ полированные столы, кресла, диваны, рѣзные ширмы чудной работы, къ потолку привѣшена масса фонарей. На средней стѣнѣ отлично выткано шелкомъ «божество изобилія» въ замѣчательномъ видѣ: изъ одного туловища

выходятъ, начиная съ пояса, три человѣческія фигуры, и отъ нихъ сыпается множество маленькихъ дѣтей.

Нашъ офицеръ Шауманъ, ветеринаръ Алалыкинъ, милые чиновники казначейства, контроля, интендантства, почты и телеграфа встрѣтили меня прямо по-родственному и отъ души радовались, что сегодня и завтра у нихъ будетъ богослуженіе. Господи, какое блаженство-то тутъ! Кресла со спинками: можно отдохнуть; на столѣ большой тульскій самоваръ пыхтитъ и свиститъ паромъ; горятъ лампы съ керосиномъ... Вѣдь, пять мѣсяцевъ этого уже не видѣлъ я! Сейчасъ же меня усадили, напоили чаемъ, и началось совѣщаніе о службѣ. Домъ огромный—человѣкъ 150 можетъ стать. Въ восточной части рѣшили повѣсить иконы — иконостасъ: тамъ будетъ алтарь, остальная часть для народа. Извѣстили всѣхъ, что въ 6¹/₂ часовъ вечера будетъ всенощная. Къ этому времени пришла наша обозная команда да чины корпусныхъ учрежденій; молящихся собралось очень много. Зажгли въ фонаряхъ свѣчи; получилось нѣкоторое подобіе люстры, и всенощная началась. Прекрасно пѣлъ хоръ чиновниковъ. Я самъ читалъ стихиры и канопъ, при чемъ канопъ пѣли на два хора: чиновники «Отверзу уста моя», а я съ Михаиломъ «Христось рождается». Одушевленіе и восторгъ были общіе. На богослуженіи присутствовали три сына хозяина — мандарина; стали они въ первомъ ряду и внимательно слѣдили за всѣмъ происходящимъ.

Ночевать остался здѣсь и спалъ на китайскомъ плетеномъ диванѣ, укрывшись теплымъ подрясникомъ. Долго не могъ уснуть, невольно прислушиваясь къ доносившимся съ улицы звукамъ: какъ отдаленный рокоть моря, еще шумѣла толпа на улицахъ Мукдена, и изрѣдка звучалъ «гонгъ».

21-е ноября.

Рано проснулся: разбудили своимъ крикомъ хозяйскіе гуси, которыхъ множество на одномъ изъ внутреннихъ дворовъ, а также крикъ уличныхъ торговцевъ. Китайскіе «купезы» начинаютъ торговать еще до свѣта. Всталъ, приготовился къ служенію, разбудилъ Михаила, и мы съ нимъ начали устанавливать церковь. Прежде всего сняли со стѣны китайскихъ боговъ; затѣмъ отдѣлили часть фанзы, повѣсили иконы, царскія врата, а противъ иконостаса на стѣнѣ икону «Тайной вечери»; поставилъ походный престоль. Получилась очень хорошая церковь. Къ 9-ти часамъ снова собрались всѣ, и при томъ же прекрасномъ пѣніи чиновниковъ совершилъ я здѣсь св. ли-

тургію. Съ улицы доносился шумъ множества голосовъ; въ окнахъ головы любопытныхъ китайцевъ. И невольно какъ-то вспоминалась жизнь древнихъ христіанъ, какъ въ первые вѣка христіанства въ многолюдномъ языческомъ Римѣ, въ домѣ кого-либо изъ вѣрныхъ, напр., св. Агнессы, собирались освятить молитвой день воскресный тѣ немногіе, которые познали истиннаго Бога. Изъ ихъ устъ лились сердечныя славословія Творцу и Спасителю; ихъ руки приносили безкровную жертву; весь обликъ ихъ носилъ печать сосредоточенія, благоговѣнія, а кругомъ на улицахъ Рима шумѣла многотысячная толпа ихъ братьевъ, еще «сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертной». И вотъ, стоя предъ престоломъ, невольно думалось, что и мы сейчасъ подобны древнимъ. Въ многолюдномъ языческомъ Мукденѣ «малое стадо» христіанъ собралось прославить воскресшаго Господа, Его Пречистую Матерь и пренести безкровную жертву о грѣхахъ и немощахъ своихъ. Посмотрите, какое истинное благоговѣніе выражено въ самой ихъ внѣшности, какъ усердна ихъ молитва, какъ одушевленно ихъ пѣніе! А кругомъ шумятъ и мнутъ многія тысячи братьевъ, еще не знающихъ Христа. Проповѣдь говорилъ по поводу празднуемаго событія, «Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы», о томъ, какія назиданія можно вывести изъ него для нашего спасенія.

Окончилось богослуженіе; отслужилъ, кромѣ того, два молебна: Пресв. Богородицѣ и св. Александру Невскому. И грустная дѣйствительность снова передъ нами: война, чужбина, одиночество... Какъ все мы были невыразимо счастливы, что удалось съ такимъ торжествомъ отпраздновать великій праздникъ! Убѣдительно просили меня пріѣхать 4-го декабря. Дай, Господи, дожить до этого дня въ мирѣ и здоровьѣ. Вѣдь, здѣсь единственное счастье—это помолиться, отслужить св. литургію.

Вышли молящіеся; разбираемъ церковь, а мои милые хозяева засуетились уже съ самоваромъ: вѣдь, надо напоить батюшку чайкомъ. «А, можетъ быть, вы, батюшка, выпьете кофе? Представьте, настоящаго молока раздобыли бутылку и свѣжаго сыру», слышу голосъ казначея. «Нѣтъ», отвѣчаю: «боюсь пить молоко: у меня еще очень недавно большое *ломайло* было съ желудкомъ». Попили чаю, а солдаты мои уже пристають: «батюшка, что же сниматься-то? не раздумайте пожалуста!» Вѣдь, вотъ все упрашиваютъ меня сняться съ ними. Соглашаюсь. Чиновники дали намъ провожатаго, и мы отправились въ китайскую фотографію, гдѣ насъ китаецъ и снялъ въ двухъ видахъ. Весь изволновался я, пока доѣхали мы

казначейства. Каждую минуту мнѣ казалось, что вотъ сейчасъ мы задавимъ снующихъ прямо подъ колесами двуколки китайцевъ. Всѣ мы постоянно кричали: «цубо, цубо»; но это мало помогало. Наконецъ, добрались и прямо къ обѣду да къ какому? Откуда-то икру достали, рыбу кету изъ Амура, въ родѣ нашего балыка, куринный супъ, котлеты. Однако, какъ ни хорошо въ гостяхъ, а время отправляться и домой: третій часъ уже пошелъ, а впереди еще 15 верстъ. Утромъ погода была тихая и 5° мороза, а съ 12-ти часовъ вдругъ поднялся сильный холодный вѣтеръ. «Какъ это мы доѣдемъ?» говорю я солдатамъ: «не отморозили бы вы себѣ уши!» «Ничего», отвѣчаютъ: «вѣтеръ въ спину; доѣдемъ». Поѣхали. Хорошо было на душѣ. Когда-то еще Господь приведетъ отслужить св. литургію!... Дѣйствительно, вѣтеръ въ спину; если бы напротивъ, то хоть оставайся ночевать. Тучи пыли и песку гнались за нами; я поминутно напоминалъ Михаилу и Ксенофону тереть уши. Мечтали дорогою, какъ по пріѣздѣ будемъ грѣться чайкомъ. Переѣхали желѣзную дорогу. Вдругъ «бухъ, бухъ, бухъ» — донеслись звуки пальбы. «Сражаются; слышите?» говорю. «Это пушки прогреваютъ», смѣются солдаты. Наконецъ, пріѣхали, слава Богу. Наступилъ вечеръ; топимъ печь; попонами и накидками завѣсили окна и даже стѣны съ подвѣтренной стороны: сквозь саманъ немного продувается; надѣли шлемы и улеглись.

22-е ноября.

Вѣтры здѣсь положительно донимають. Если бы не они, то совсѣмъ легко переносилась бы зима, такъ какъ солнце манчжурское и зимой теплое. Всю ночь и весь день завывала буря да еще съ сѣвера. Конечно, сидимъ дома. Я пишу, намазавши руки вазелиномъ. Скрипнула дверь; входятъ два солдата: одинъ грустный, другой прямо плачетъ: «батюшка! мы къ вамъ; получили письма; умерли наши отцы: отслужите панихиду». Какъ говорится, одно горе не бываетъ: ведетъ за собой другое. Воюють; дай, Богъ, это смиренно вытерпѣть, а тутъ еще смерть близкихъ. За послѣдніе дни у насъ все смерти и смерти: ротмистръ Бодиско, братъ чиновника, отецъ моего Михаила и вотъ родители этихъ солдатъ. «Ну пойдёмте», говорю: «восплачемся предъ Господомъ, сотворшимъ насъ, но и среди вздыханій не забудемъ сказать: благословенъ еси Господи, научи мя оправданіемъ твоимъ». Присоединился Михайло грустный, со слезами, и мы пошли сначала на огородъ, гдѣ всегда служилъ; но тамъ нѣтъ возможности

стоять: холодно. Вернулись на свой бивакъ и, приютившись между конюшней и скирдой чумизы, отслужилъ я панихиду. Пѣлъ почти я одинъ: мой пѣвецъ и богомольцы все время, стоя на колѣняхъ, плакали. Да, много набралось уже пережитыхъ картинъ, такъ что, когда вспомнишь ихъ, слеза прошибаетъ; вѣроятно, не изгладятся онѣ изъ памяти до гроба. Вотъ, когда я понялъ вполнѣ, какъ чудно, невыразимо чудно содержаніе священной псалтири и какъ утѣшительно! Святые писатели какъ будто видятъ нашу жизнь и даютъ каждый разъ нашей немощи совѣты относительно того, какія чувствованія и молитвы должны мы вознести Господу по поводу переживаемаго нами. А содержаніе нашего богослуженія? Только здѣсь многіе познали его и перечувствовали. Отъ нѣсколькихъ лицъ уже слышалъ я: «какія дивныя молитвы! Какъ прекрасно! Неужели и всегда онѣ читаются и поются»? Конечно, всегда; но раньше душа не тѣмъ была занята: заботы и забавы міра сего поглощали всю жизнь, все вниманіе: не до молитвъ тогда было. А теперь горе образумило и всему научило: и вѣрѣ, и молитвѣ, и вниманію. Слава Богу за все!

Вернулся въ фанзу и опять скорѣй на свой канъ; такъ до вечера и просидѣлъ. Завтра память святителя Митрофанія, моего ангела. Хотя бы Господь помогъ отслужить св. литургію! Подъ вечеръ одѣлся потеплѣе и пошелъ на свою дорожку служить утрению. Пропѣлъ тропарь и величаніе св. Митрофанію. А передъ глазами такъ и стоитъ моя церковь: полна народу, горитъ огнями; я читаю стихиры, канонъ; Оля¹⁾ едва успѣваетъ продавать свѣчи. А сейчасъ я одинъ; кругомъ ни души; останавлиюсь — тишина, даже не стрѣляютъ; свой голосъ кажется страннымъ. Ну, да ничего! Слава Богу за все!

Часовъ въ 9 выхожу на улицу. Темнота страшная. Смотрю—заревѣ пожара у позицій: два огромныхъ столба пламени взвиваются къ небу. У меня почему-то тотчасъ мелькнула мысль: «это въ Тадзеинѣ горятъ наши эскадроны». Но другіе отвергали. «Это», говорятъ, «охотники пѣхотные у японцевъ нашалили». Однако моя оказалась правда: это былъ пожаръ въ 3-емъ эскадронѣ; сгорѣлъ отъ неизвѣстной причины запасъ гаоляна. Несчастій съ людьми и лошадьми не было. Ночь, пора спать.

23, 24 и 25-е ноября.

Рано проснулся; что-то плохо спалъ. Досталъ икону св. Митрофанія и пошелъ на бивакъ къ своимъ солдатамъ. Размели мѣстечко на огородѣ, до-

¹⁾ Жена о. Митрофана въ буднишніе дни исполняетъ обязанности церковнаго старосты.

стали палатку, въ которой мы раньше жили, и разставили ее. Въ ней я приготовилъ походный престолъ, положилъ на него св. антимиасъ, иконы — полковую и св. Митрофанія, на землю вмѣсто ковра попону. Вотъ и церковь! Настоящую же походную церковь не рѣшились разставить: слишкомъ замерзла земля, да и иконы ломаются отъ мороза. Погода прекрасная; морозъ малenkій. Я облачился и къ 10-ти час. утра отслужилъ св. литургію. Пѣлъ Михайло; Ксенофонть подавалъ кадило, да одинъ саперный солдатикъ молился. Радъ я былъ невыразимо, что отслужилъ: здѣсь, вѣдь, живешь и не знаешь, гдѣ завтра будешь. На молебенъ пришли генераль Степановъ и командиръ полка. Иду въ свою фанзу; нарочно стараюсь не думать о томъ, какъ въ прежніе годы проводилъ я этотъ день. Причина понятна. Ксенофонть подаль кипятилъ. Открывается дверь, входитъ Поля¹⁾; поздравилъ меня. Вотъ и я съ роднымъ человѣкомъ въ день своего Ангела, — день, который я смолоду привыкъ чтить, какъ и 7-е августа. Впрочемъ, по правдѣ сказать, всѣ мои сожители по фанзѣ совершенно по родственному привѣтствовали меня и даже потихоньку отъ меня устроили мнѣ угощеніе, настоящей именинный обѣдъ. Однимъ словомъ, оказали мнѣ такую любовь, что я положительно растерялся и не зналъ, какъ благодарить всѣхъ.

Послѣ обѣда на позиціяхъ поднялась такая канонада, что мы всѣ побѣжали на линію желѣзной дороги смотрѣть. Встрѣтили тамъ нашу общую симпатію, китайченка «Ваську» (прозвище его). Онъ состоитъ теперь при 6-мъ эскадронѣ 52-го Нѣжинскаго драгунскаго полка. Конечно, первый вопросъ: «ну что, Васька, какъ твоя коса?» — «Мало, мало растеть», отвѣчаетъ и горжественно снимаетъ шапку. Дѣйствительно, половина головы уже выбрита, а на остальной части выросли съ вершокъ волосы. Этого Ваську, сироту, взяли въ г. Ляоянѣ саперы изъ жалости: кормили, одѣвали, научили немного говорить по-русски. Однажды во время сна они отрѣзали ему косу, а утромъ начисто обрили всю голову (это было необходимо по соображеніямъ гигиеническимъ). Когда операція окончилась, то Васька, по его словамъ, хотѣлъ сейчасъ же устроить себѣ «умирайло», потому что же онъ за человѣкъ безъ косы?! Успокоился только тогда, когда его увѣрили, что коса скоро выростеть и даже будетъ лучше. Вотъ теперь онъ тщательно ее выращиваетъ. Однако съ тѣхъ поръ слышать не можетъ имени «саперъ» и при первой возможности перепросился къ драгунамъ.

1) Поліевктъ Владимировичъ Исполатовскій, шурина о. Митрофана, — ветеринаръ 52-го драгунскаго Нѣжинскаго полка.

24 и 25-го ноября снова буря и холодъ. Хотѣлъ отслужить общій молебенъ, но невысимо.

26 и 27-е ноября.

Ночь подъ 26-е будетъ долго памятна. Улеглись мы довольно покойно; вдругъ въ 3 часа сразу началась такая канонада изъ осадныхъ и полевыхъ орудій, что фанза наша задрожала. Впечатлѣніе такое, какъ будто среди сна внезапно ударили въ набатъ, только несравненно грандіознѣе. Залпы слѣдовали за залпами, а въ короткіе промежутки между ними, какъ барабанная дробь, переливалась ружейная пальба. Какъ грохнетъ залпъ, зашуршитъ сначала снарядъ осадный или мортирный, потомъ завоюетъ и въ отдаленіи уже, у японцевъ, разорвется. Ясно слышно. У меня внутри все дрожало; сердце замирало. Это былъ не страхъ, нѣтъ: вѣдь, не въ первый разъ и уже попривыкъ. Не знаю, что такое; вѣроятно, чисто нервное состояніе. Боролся съ собою, внутренно давалъ слово быть покойнымъ, но... новый залпъ, и, совершенно независимо отъ моей воли, сердце опять замирало. Думаю, что и ночь этому состоянію способствовала; вѣдь, днемъ я совсѣмъ покоенъ. Такъ всѣ мы и не спали до утра. Часовъ въ семь сразу же все прекратилось; только изрѣдка раздавались ружейные залпы.

Пришелъ приказъ изъ корпуса: къ 10-ти часамъ утра около ст. Суютунъ разставить нашу церковь; передъ ней будетъ молебенъ войскамъ всего корпуса по случаю праздника св. Георгія. Попили чаю и потихоньку поѣхали къ Суютуню. За ночь выпалъ небольшой снѣжокъ; морозъ, вѣтеръ, холодно. Размели назначенное мѣсто и начали разставлять церковь. Было весьма трудно: земля замерзла, колья ломались. Пришлось сначала пробивать желѣзнымъ ломомъ гнѣзда. Вѣтеръ рветъ и треплетъ палатку, иконы; руки коченѣютъ. Наконецъ, съ невѣроятными усиліями поставили-таки церковь, и цѣлый часъ я трепеталъ за ея существованіе. Съ яростію бросался на нее вѣтеръ; летѣли хлопья снѣгу, пыль; трещали веревки; гнулась наша церковка; казалось, вотъ-вотъ сію минуту рухнетъ. Но Господь хранилъ святые иконы, и крестъ наверху непоколебимо стоялъ. Обошлось благополучно. Я достаю облаченія, приготавливаю св. воду, и невольно пришло въ голову сравненіе. Давно-давно уже стоитъ во вселенной св. Церковь Христова, и за эту долгую жизнь какіе только вѣтры не старались разрушить ее! Вотъ вишнія гоненія, когда цѣлая столѣтія лилась кровь мучениковъ и мученицъ за вѣру или подъ ударами меча, или терзаемыхъ звѣрями, сжигаемыхъ, распинаемыхъ на крестахъ, когда въ потокахъ этой крови людская

злѡба, невѣріе и развратъ мечтали утопить Христа и Его Церковь. Но мечты ихъ остались мечтами, и на орошенной св. кровію почвѣ Христось еще болѣе прославился и Церковь его стала еще крѣпче. Затѣмъ времена ересей, наплывъ пороковъ и соблазновъ. волны средневѣковой суетвѣрной тьмы и новѣйшаго невѣрія, золотой телець и виѣшняя цивилизація, прикрывающая наготу духа человѣческаго лоскомъ виѣшняго развитія, прогресса, и многое, многое другое. Все это, какъ стоголавая гидра или свирѣпая буря, «собрашася вкупѣ», бросилось и бросается на Господа Христа и святую Его Церковь, думая разрушить вѣковые устои религіи и даровать вселенной рай, свободу, т.-е. полный разгулъ мысли, чувства, воли. Мечтають и вѣрятъ, что уже сочтены дни жизни религіи и Церкви. Но Христось Господь долго терпитъ людское неразуміе, призывая всѣхъ къ покаянію и вѣчной жизни подъ руководствомъ св. Церкви, которая продолжаетъ стоять и сіять среди житейскаго моря, какъ спасительный маякъ для гибнущихъ въ суетѣ суетъ. Еще имѣются на землѣ у Господа цѣлыя тысячи смиренныхъ и вѣрныхъ рабовъ Его—членовъ св. Церкви, которые не преклонили колѣней предъ Вааломъ. Замечался я, а самъ все бѣгаю, хлопочу; нужно скорѣе кончать. Изъ-за полотна желѣзной дороги доносится музыка—мой любимый маршъ. Идетъ М—ій пѣхотный полкъ; впереди несутъ большое знамя съ крестомъ и играютъ этотъ маршъ, грустный такой. Услышавъ я его и замерло сердце. Едва удержался я отъ слезъ: вспомнился одинъ изъ дней страшнаго боя подъ Мукденомъ, когда я видѣлъ это же знамя идущимъ въ бой. Такъ же, какъ и сейчасъ, среди рева только не бури, а канонады слышалъ я звуки этого марша. Накрапывалъ дождь; солнца не было видно, и природа грустила, будто живая. Смотрю—колышется знамя, а за нимъ стройно, сомкнутыми рядами, въ ногу идетъ славный полкъ. Куда? Въ атаку, на новую Голгоѡу... Странное чувство тогда вдругъ наполнило душу мою: и грустно было на сердце и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ страшно тянуло слиться съ ними, этими мучениками, въ одинъ организмъ, вмѣшаться въ ихъ ряды и итти, втти туда, откуда, можетъ-быть, уже не будетъ возврата... И вотъ эти-то звуки сегодня снова донеслись до меня: снова воскресли въ памяти ужасные сентябрьскіе и октябрьскіе дни, и снова предъ глазами это знамя. Оно уже окружено теперь героями—георгіевскими кавалерами и вмѣстѣ съ ними стало предъ иконою Христа засвидѣтельствовать вѣрность воиновъ присягѣ, долгу, воздать благодареніе Господу, помогшему имъ быть мужественными, терпѣливыми. Богъ могъ

не допустить войну? Могъ, но Онъ попустилъ этотъ страшный судъ земной, и мы должны, подобно св. Побѣдоносцу Георгію, хотя бы умереть, но честно выполнить долгъ нашъ. Когда нибудь откроется причина, почему Господь попустилъ эту войну; а теперь... Господи Иисусе, спасай насъ! Св. Георгій, молитвами твоими поддержи въ насъ вѣру и вѣрность Богу, Царю и отечеству даже до смерти! Со всѣхъ сторонъ несутся звуки музыки; идутъ полки за полками (кромѣ дежурныхъ частей, что занимаютъ окопы); собираются къ церкви знамена и штандарты, при чемъ у всѣхъ знаменосцевъ и штандартныхъ унтеръ-офицеровъ на груди св. иконы — благословеніе Государя и августѣйшихъ шефовъ. Собралось пять священниковъ, и молебенъ начался. Служили «поскору». Затѣмъ состоялся парадъ войскамъ: сначала шли георгіевскіе кавалеры всего корпуса, за ними полки. Величественное было зрѣлище. Съ парада «кавалеровъ» пригласили въ баракъ у ст. Суютуна и угостили обѣдомъ, а мы опять за работу: разобрали и уложили церковь. Я порядочно прозябъ и потому домой пошелъ иѣшкомъ, чтобы согрѣться. Вечеромъ во время прогулки встрѣтилъ цѣлый баталіонъ запасныхъ; идутъ на пополненіе третьей дивизіи. Я вѣшался въ ряды; хотѣлось провѣрить состояніе ихъ духа. Вѣдь пишутъ, что они угнетены. Оказалось обратное: бодро шагаютъ, шутятъ между собою. Съ удовольствіемъ я съ ними прошелся. По дорогѣ вели разговоры о прошломъ урожаѣ, о войнѣ, о японцѣ. Высказывались пожеланія, хоть бы къ веснѣ то «его» прикончить, и къ рабочей порѣ домой «оборотиться». Какъ-то легче стало на душѣ, поговоривши съ ними.

(Продолженіе впрѣдъ).

НЕКРОЛОГЪ.

29-го октября л. гв. Павловскій полкъ похоронилъ своего доблестнаго сослуживца, ветерана знаменщика, 50 лѣтъ прослужившаго въ полку, старшаго унтеръ-офицера *Ананія Кузнецова*. Покойный, поступивъ на службу въ 1855 году, участвовалъ въ подавленіи польскаго возстанія, въ Русско-Турецкой войнѣ въ 1877—78 гг., за которую былъ награжденъ знакомъ отличія Военнаго ордена; знаменщикомъ Кузнецовъ былъ въ полку болѣе 30 лѣтъ.

27 го октября, въ присутствіи командира полка, генераль-маіора Щер-

бачева, гробъ съ останками покойнаго былъ отнесенъ офицерами и фельдфебелями въ полковую церковь, гдѣ 29-го октября состоялось отпѣваніе. На богослуженіи, кромѣ родственниковъ, товарищей покойнаго, фельдфебелей и унтеръ-офицеровъ, присутствовали всѣ находящіеся въ Петербургѣ офицеры полка, а также командующій гвардейской пѣхотной дивизіей генералъ-маіоръ Троцкій, генералъ-маіоръ Смородскій и др.. По окончаніи отпѣванія гробъ приняли офицеры и фельдфебеля и, при звукахъ «Коль славень», поставили на печальную колесницу. При звукахъ траурныхъ маршей печальная процессія направилась на Смоленское кладбище, гдѣ тѣло ветерана-павловца было предано землѣ¹⁾.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ

на духовный журналъ

„СТРАННИКЪ“

съ бесплатнымъ приложеніемъ

„ОБЩЕДОСТУПНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ“

и прибавленія къ ней.

Духовный журналъ «Странникъ» будетъ издаваться въ 1906 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служить въ теченіе болѣе сорока лѣтъ. При журналѣ въ качествѣ бесплатнаго приложенія издается «Общедоступная Богословская Библиотека», имѣющая своею цѣлю сдѣлать вполнѣ доступными для читателей лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы.

Въ 1906 году подписчикамъ будутъ даны три капитальныхъ сочиненія:

1) «Православная Богословская Энциклопедія», или Богословскій Энциклопедическій словарь, содержащій въ себѣ необходимыя для всякаго серьезно образованнаго человѣка свѣдѣнія по всѣмъ предметамъ богословскаго и философскаго знанія, т. VII, въ который войдутъ слова на І, К и м. б. Л (съ картами и иллюстраціями).

¹⁾ «Правит. Вѣстникъ», за 1905 г., № 234, стр. 2.

2) *Толковая библія*, съ иллюстраціями, или комментарий на всѣ книги Св. Писанія Ветхаго и Новаго завѣта. Томъ *третій*, въ который входятъ не вошедшія во II т. Историческія книги.

Редакція приступила къ этому изданію въ той увѣренности, что она идетъ навстрѣчу самой настойчивой и насущной потребности нашего духовенства и всего общества. Дать пастырямъ церкви, какъ и всѣмъ вообще любителямъ чтенія слова Божія, пособие къ правильному пониманію Библіи, оправданію и защитѣ истины отъ искаженія ея лжеучителями, а также и руководства къ уразумѣнію многихъ неясныхъ въ ней мѣстъ — вотъ цѣль настоящаго изданія. Въ изданіи принимаютъ участіе профессора духовныхъ академій и другія вполне компетентныя лица съ высшимъ богословскимъ образованіемъ.

3) «*Матерія и духъ*» — особый трактатъ изъ серіи «Христіанство, наука и невѣріе на зарѣ XX вѣка». Этотъ трактатъ имѣетъ своею цѣлю объединить и общедоступно изложить данныя наукъ о матеріи и духѣ для научнаго обоснованія христіанскаго взгляда на міръ и человѣка.

Журналъ по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10—12 и болѣе печ. листовъ (до 200 стр. въ книжкѣ)

Цѣна: а) въ Россіи за журналъ «Странникъ» съ приложеніемъ двухъ томовъ «Общедоступной Богословской Библіотеки» восемь (8) рублей съ пересылкой; б) за границей 11 руб. съ пересылкой.

Адресоваться: Въ редакцію журнала «Странникъ» — С.-Петербургъ, Невскій просп., д. № 182.

Городскіе СПБ. подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи — Невскій просп., д. 182.

За редактора *С. Артемьевъ*.

Содержаніе. Высоч. награды. — Награда отъ Св. Синода. — Изъ приказа по войскамъ 1-й Маньчжурской арміи. — Распоряженія О. Протопресвитера. — Поученіе по поводу упрековъ священникамъ за молчаніе во время тревожныхъ событій. — Рѣчь воен. священника по случаю окончанія войны съ Японіей. — Панихиды надъ иновѣрцами. — † Памяти о. А. Дубровскаго. — Дневникъ полковаго священника, служащаго на Дальнемъ Востокѣ (продолженіе). — † Унт.-оф. А. Кузнецовъ. — Объявленіе.

Редакторъ, Прот. *Іоаннъ Таранецъ*.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.

С.-Петербургъ, 22-го Ноября 1905 года.

Старшій цензоръ, Архимандритъ *Филаретъ*